

Летит. Себя отменнейшим считая,
Вот некто говорит: «Мой дед был славен,
Кто знатностью мне равен?».

Надо заметить, что дать ложному мнению укорениться – опаснейшая неосторожность; в самом деле, подобно тому как на невозделанном поле размножаются сорняки, которые одолевают и заслоняют хлебные колосья настолько, что они становятся издали не видны и в конце концов погибают, – точно так же и ложное мнение, не очищенное и не исправленное в умах, разрастается и множится настолько, что колосья разума, то есть истинное мнение, скрываются и как бы похороненные пропадают. О, какую же великую задачу поставил я себе в этой канцоне, собравшись отныне выполоть заросшее трилистником поле общепринятого суждения, столь давно уже не подвергавшееся такой обработке! Конечно, я не целиком собираюсь выполоть это поле, но лишь в тех местах, где колосья разума еще не совсем зачахли, иначе говоря, я собираюсь выпрямить те из них, в которых в силу их доброй природы еще теплится какой-то отблеск разума, ибо об остальных стоит заботиться столько же, сколько о диких зверях; ведь вернуть к разуму того, в ком свет разума погас вовсе, кажется мне не меньшим чудом, чем вернуть к жизни человека, который уже четверо суток пролежал в гробу.

После того как описаны дурные свойства этого ходячего мнения, я внезапно обрушиваюсь на него как на нечто ужасное и, нарушая весь ход моего опровержения, говорю о бахвальящемся своим мнимым благородством: «А поглядишь – так нет его подлей», чтобы дать этим понять его невыносимую зловерность, утверждая, что такие люди лгут больше всего; ибо человек дурной, хотя бы он и происходил от хороших людей, не только ничтожен, то есть неблагороден, но ничтожен в высшей степени; и в качестве примера я привожу дорогу, которую указали путнику и которую он потом потерял. При этом для доказательства выдвинутого мною положения я должен поставить здесь вопрос и ответить на него следующим образом. По некоей долине проходят несколько тропинок: это – поле с кустами, рвами, камнями, буреломом, почти что вовсе непроходимое, за исключением проложенных по нему узких дорожек. Выпал снег и все покрыл, и, куда ни посмотришь, не видно и следа какой бы то ни было дороги. Некто появляется с одной стороны этой равнины и хочет дойти до дома, находящегося на другой ее стороне; благодаря собственным своим стараниям, то есть благодаря наблюдательности и должной сообразительности, он, сам по себе и никем не руководимый, по верному пути доходит туда, куда хотел, оставляя за собой в снегу следы своих шагов. За ним приходит другой и хочет дойти до того же дома; для этого ему ничего другого не нужно, как только придерживаться оставленных следов; и вот ту же самую дорогу, которой первый сумел придерживаться без всякой указки, второй, имея указку, теряет и плутает среди колючек и навалов и так и не доходит куда ему надлежало дойти. Которого же из них следует назвать стоящим? Отвечаю: того, кто прошел первым. Как же назвать второго? Отвечаю: ничтожнейшим. Почему же не назвать его нестоящим, то есть ничтожным? Отвечаю: потому, что нестоящим, то есть ничтожным, следовало бы назвать того, кто сбился бы с пути, не имея никакой указки; однако, так как он ее имел, его ошибка и его беспомощность превзойдены быть уже не могут, и поэтому называть его следует не ничтожным, а ничтожнейшим. И точно так же, кто произошел от хорошего отца или какого-нибудь хорошего предка и при этом зол, тот человек не только ничтожный, но и ничтожнейший и достоин всяческого презрения и порицания больше любого мужлана. Чтобы человек уберег себя от величайшего ничтожества, Соломон приказывает ему в двадцать второй главе Книги Притчей тому, кто имел достойного предка: «Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои». А перед этим, в четвертой главе названной книги, он говорит: «Стезя праведных – то есть достойных – как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня. Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся». Наконец, когда говорится:

«Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп»,

я для вящего порицания утверждаю, что такой ничтожнейший человек мертв, хотя и кажется живым. При этом надо помнить, что злой человек может поистине именоваться мертвым, и в особенности тот, кто покидает стезю своего доброго предка. Доказать же это можно следу-